P 74/316

Р 11
316

УБІЕНІЕ

ЦАРЕВИЧА

ДМИТРІЯ.

ф.32-7445

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи, представлено былъ въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 18 дня 1840 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

2007050380

Е Т:
Иллюстр.
Служебн.
№
№
Списка и порядковый
1950 г.
605 282/1750 2

Р 74/316

УБІЕНІЕ
ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

—

Страшное и неслыханное на Руси дѣло совершилось, искупленное потомъ многою Христіанскою кровію. — Прискакалъ внезапно гонецъ изъ города Углича, съ вѣстію, что 15 Мая Благовѣрнаго Царевича Димитрія Іоанновича не стало въ живыхъ! Сей блаженный осмилѣтній отрокъ былъ сынъ славныя памяти, Великаго Государя Іоанна Васильевича всея Руси, отъ седьмаго брака его съ Марѳою Ѳеодоровною, изъ роду Нагихъ. Спустя четыре года послѣ смерти своего родителя, какъ не единокровный по матери обладающему Царю Ѳеодору Ивановичу, посланъ былъ невинный младенецъ, по совѣту всѣхъ начальнѣйшихъ вельможъ Россійскихъ, въ назначенное

ему отъ отца пространство, удѣльный городъ Угличь, вмѣстѣ съ матерью Царицею и дядями своими, Нагими; даже самое имя перестало быть возносимо во время священнодѣйствія, какъ рожденнаго отъ седьмаго, сомнительнаго, супружества, хотя и благословеннаго въ церкви, но не разрѣшаемаго ея канонами; и сіе, по сказанію современниковъ, совѣтомъ Боярина Годунова, дабы отклонить сердце народа отъ послѣдней отрасли царской (*).

Царевичъ Димитрій, приходя въ возрастъ и слыша о величіи державы братней, смущаемъ былъ отъ близкихъ своихъ, зачѣмъ не вмѣстѣ пребываетъ съ братомъ, и часто о томъ печалясь, въ дѣтскихъ забавахъ, несвойственно выражался о ближайшихъ царскихъ вельможахъ и наипаче о Боярынѣ Борисѣ (**). Враги же и ласкатели, замышлявшіе великія бѣды государству, десятерицею умножали отроческія рѣчи и дѣянія, разглашая будто бы Царевичъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько образовъ человѣческихъ, и назвавъ ихъ именами разныхъ Бояръ и Князей, отсѣкалъ иному руку, иному ногу, Борисову же голову, приговаривая: «Это такой-то Боярынъ, такой-то Князь, такъ-то имъ будетъ въ мое царствованіе.» Забывъ страхъ Божій, они смѣло

(*) Флетчеръ.

(**) Аврамій Палицынъ.

распускали молву, будто бы (*) Димитрій съ юныхъ лѣтъ уже являетъ въ себѣ наслѣдственную жестокость Государя, отца своего, и съ такими лживыми рѣчами подходя къ Боярамъ, въ особенности къ Борису, отъ многія смуты низвели его ко грѣху; краснѣйшаго же отрока не хотя отослали въ вѣчный покой (**).

Съ горькою вѣстію поспѣшилъ Бояринъ къ Царю, и благочестивый Государь, видя его предъ собою стоящаго и часто воздыхающаго, спросилъ о винѣ его скорби; когда же услышалъ, что блаженнаго отрока брата его не стало въ живыхъ, и что Царевичъ отъ небрежности своихъ близкихъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, играючи, накололся на ножъ, — сильно началъ онъ сѣтовать и неутѣшно плакать, говоря: «о Владыко Іисусе Христе, буди воля твоя святая.»

Въ тотъ же день посланы были, по волѣ Государевой, въ Угличь, для погребенія Царевича и для розыску о его смерти и о избіеніи горожанами приставовъ царскихъ, при немъ бывшихъ, — Митрополитъ Крутицкій Геласій и Бояринъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ Окольничьимъ Андреемъ Клешнинымъ и Дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинымъ. Вечеромъ 19 Мая прибыли они въ городъ и нашли еще, посреди Спасскаго собора, блаженнаго отрока, какъ

(*) Флетчеръ.

(**) Аврамій Палицынъ.

неповиннаго агнца, обагреннаго кровію, лежащаго во гробѣ съ орудіемъ своего заколенія; а надъ нимъ стояла плачущая его мать и народы города Углича, также плачущіе неутѣшно. Самъ Князь Василій Ивановичъ, видя праведное тѣло и рыдающихъ окрестъ него, воспомянулъ свое согрѣшеніе и долго плакался надъ нимъ, не въ силахъ будучи изглаголать ни единаго слова (*).

Потомъ началъ распрашивать о кончинѣ отрока, сперва дядю его Михаила Нагаго: какимъ обычаемъ Царевича не стало и что его болѣзнь была? И для чего велѣлъ онъ убить Дьяка Михаила Битяговскаго и сына его Данилу и племянника Никиту Качалова. Данилу Третьякова и сына мамки Осипа Волохова и посадскихъ людей? И для чего онъ велѣлъ собирать ножи, пищали и сабли, и класть на убитыхъ и собираться многимъ людямъ изъ селъ?

Михаилъ Нагой отвѣчалъ: Мая 15, въ субботу, въ 6 часу дня зазвонили у Спаса въ колоколъ, а я въ тѣ поры былъ у себя на подворьѣ и чаялъ, что горитъ, бѣжалъ къ Царевичу на дворъ, а Царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ, да Данила Битяговскій, и пришли на дворъ многіе посадскіе люди, и Михайла Битяговскій тутъ же пріѣхалъ, и его съ сыномъ, племянникомъ и другими побили черные люди; а я ихъ убивать не велѣлъ, былъ

(*) Никонова лѣтопись.

все у Царицы; люди же посадскіе сбѣжалися на звонъ, а городоваго прикащика къ цѣлованію крестному не приводилъ и не приказывалъ ему класть палицы, ниже пищали и сабли на убитыхъ; то онъ самъ клалъ и на меня взводитъ.»

Но прикащикъ Русинъ утверждалъ, что Нагой запирается и поставлялъ въ свидѣтели брата его Григорія Нагаго и собственнаго его человѣка Бориса, у котораго самъ онъ спрашивалъ ножа, чтобы наложить на убитыхъ людей, и будто Михайла Нагой прислалъ съ симъ человѣкомъ къ брату ключь отъ ларца, гдѣ хранился Ногайскій ножъ; Григорій же, вынувъ его, отдалъ Русину,—Григорій Нагой подтвердилъ, что онъ точно выдалъ ножъ сей, не сказавъ для чего; Борисъ же присовокупилъ, что господинъ его велѣлъ сбирать ножи и класть на убитыхъ.

Такъ разсказалъ Григорій Нагой происшествіе о смерти Царевича: Мая 15, въ субботу, поѣхалъ онъ съ братомъ своимъ Михайломъ на подворьѣ обѣдать, но едва только пришли, какъ зазвонили въ колоколъ, и они, чаявъ, что загорѣлось, прибѣжали опять на дворъ, а уже Царевичь Димитрій лежитъ, накололся самъ въ падучей болѣзни, которая и прежде у него бывала. Царевичь былъ живъ еще и при нихъ преставился. А приставъ Царскій Михайло Битяговской прискакалъ къ Царицѣ на дворъ, и прибѣжали многіе посадскіе и посошные люди, и начали говорить, невѣдомо кто, будто умертвили Царевича Димитрія: сынъ

Битяговскаго Данила и племянникъ Никита Качаловъ и сынъ мамки Осипъ Волоховъ. Михайло Битяговскій началъ разговаривать и посадскіе люди кинулись на него; онъ бѣжалъ въ брусяную избу, люди же, выломавъ двери, извлекли его и тутъ же убили съ Данилою Третьяковымъ, а сына его и племянника въ разрядной избѣ. Сына мамки Волохова привели къ Царицѣ вверхъ къ церкви Спаса и предъ нею убили, а четырехъ человѣкъ Битяговскаго, двухъ Волохова и трехъ посадскихъ, гдѣ кого поймала, тамъ и убила чернь, самъ онъ не знаетъ за что. Людей посадскихъ собиралъ онъ съ братомъ для Князя Шуйскаго, боясь отъ Государя опалы, чтобы кто не укралъ Царевичева тѣла, а въ колоколъ началъ звонить пономарь. Мая же 19, т. е. въ день пріѣзда Шуйскаго, братъ его Михайло велѣлъ городовому прикащику сбирать ножи и ихъ окровавить курячьею кровію, также и палицу добыть желѣзную и положить на побитыхъ людей: сына мамки, и сына и племянника Битяговскаго и на Третьякова, для того, что, будто, тѣ люди зарѣзали Царевича Димитрія.»

Къ симъ рѣчамъ приложилъ руку Григорій Нагой и она была засвидѣтельствована духовникомъ его и еще Воскресенскимъ Архимандритомъ Ѳеодоритомъ; руки же Михайла Нагаго у его показанія не было. Здѣсь является признакъ, что изслѣдованіе производимо было не съ безпристрастіемъ,

которое старалось бы всѣмъ частямъ дѣла дать законную точность. Видно, что показаніе о убіеніи Царевича было не по мысли изслѣдователей, и они оставили оное безъ подписи, чтобы уменьшить его достоинство въ дѣлѣ. Если такъ поступлено съ лицемъ столь виднымъ, то не удивительно, что показанія нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о убіеніи Царевича, совсѣмъ не допущены въ составъ дѣла. А городовой прикащикъ продолжалъ утверждать, что Царица и братъ ея Михаилъ Нагой приказали убить Битяговскаго, когда онъ сталъ унимать шумъ народный, такъ же и прочихъ людей, которые къ нему были прихожи.

Тогда Князь Василій съ Дьякомъ Елезаровымъ велѣли поставить предъ себя мамку Царевича, вдову Василису Волохову и жильцевъ, которые съ нимъ были, и распрашивалъ ихъ, какимъ обычаемъ Царевичу смерть случилась? мамка его въ распросѣ сказала:

« Разболѣлся Царевичь Димитрій въ среду, Мая 12 числа, падучею болѣзнію, и въ пятницу ему стало маленько полегче и Царица Марія взяла его съ собою къ обѣдни, и потомъ велѣла на дворѣ погулять; а на завтра пришедши отъ обѣдни, также велѣла Царевичу идти на дворъ гулять; съ нимъ была она, кормилица Ирина, постельница Марія Самойлова да маленькія ребята жильцы. Царевичь игралъ ножикомъ, и тутъ нашла на него таже черная болѣзнь, бросила его о землю и самъ онъ покололъ себя ножемъ въ горло; долго

ПУБЛ. БИБЛ. ПУБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

ого било и тутъ же не стало. А и прежде въ томъ же году была надъ нимъ таже болѣзнь, падучій недугъ, и онъ покололъ сваею матерь свою Царицу; въ другой же разъ передъ великимъ днемъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго и едва ее у него отняли. — Когда Царевичь въ черной болѣзни покололся ножемъ, сбѣжала на дворъ Царица Марія и начала сама ее бить полѣномъ и пробила голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая: будто сынъ ея Осипъ съ сыномъ и племянникомъ Битяговскаго зарѣзали Царевича. Она же Василиса била челомъ Царицѣ, чтобы велѣли ей дать праведный сыскъ, ибо сынъ ея и на дворѣ не бывалъ; но Царица приказала брату своему Григорью, тѣмъ же полѣномъ бить ее по бокамъ, и едва живую замертво покинули. Между тѣмъ зазвонили у Спаса въ колоколъ и сбѣжались на дворъ многіе посадскіе люди. Волохова разсказывала далѣе, какъ убили Михайлу Битяговскаго, сына ея Осипа, и наконецъ одну юродивую женку; и всѣ сіи убійства приписывала волѣ или внушенію Царицы.

Изслѣдователямъ предлежало разсудить, сходно ли съ естественнымъ дѣйствіемъ и ходомъ падучей болѣзни то, что сей болѣзни приписывала Волохова? Вѣроятно ли, чтобы Царевичу дозволено было на дворѣ играть ножемъ въ тычку съ ребятами, особенно, если бы справедливо было сказанное Волоховою, что онъ прежде покололъ свою матерь Царицу? Но они какъ бы не заботились о

сообразности разсказанныхъ имъ обстоятельствъ, какъ скоро разсказы не угрожали обличеніемъ преступленія противъ Царевича.

Четыре жильца, которые играли съ Царевичемъ: Колобовъ, Тучковъ, Красцвскій и Козловскій сказали: что Царевичь игралъ съ ними въ тычку ножикомъ, на заднемъ дворѣ, какъ пришла на него болѣзнь, падучій недугъ и набросился на ножъ; а были въ тѣ поры съ нимъ только кормилица и постельница, сыновей же мамки и Битяговскаго не было.

Матери двухъ изъ этихъ жильцевъ, кормилица Тучкова и постельница Самойлова, подтвердили, что Царевичь накололся самъ, и кормилица сказывала, что въ субботу ходилъ Царевичь по двору, игралъ съ жильцами ножикомъ, а она Арина того не уберегла, какъ пришла на него черная болѣзнь и накололся; она же взяла его къ себѣ на руки и у нея на рукахъ его не стало.

И третій братъ Нагихъ, Андрей, показалъ почти тоже за своею подписью, что Царевичь на заднемъ дворѣ тѣшился съ ребятами, игралъ чрезъ черту ножемъ, и вдругъ закричали на дворѣ, что его не стало; сбѣжала сверху Царица, а онъ въ тѣ поры сидѣлъ у яствы и прибѣжалъ къ ней; Царевичь лежалъ у кормилицы на рукахъ мертвъ, и сказываютъ, что зарѣзали, онъ же того не видалъ, кто его зарѣзалъ; а на Царевичѣ бывала болѣзнь падучая; въ великое говѣнье у дочери его руку переѣлъ, да и у него руки ѣдалъ,

у жильцевъ и у постельницъ: когда придетъ болѣзнь и станутъ его держать, то въ забвеніи грызетъ что попадется. А какъ побили Битяговскаго и другихъ не вѣдаетъ; побила ихъ чернь, самъ же онъ былъ неотступно при тѣлѣ Царевича и внесъ его въ церковь.

Послѣ сихъ ближайшихъ свидѣтелей смерти Димитріевой, распрашиваемы были другіе духовные и мірскіе свидѣтели, знавшіе о ней болѣе по слуху, и прежде всѣхъ тотъ, кто произвелъ смятеніе набатомъ, вдовый священникъ, служившій пономаремъ при Церекостантиновской церкви. Оправдывая себя, онъ сказалъ, что сторожъ ударилъ первый въ колоколъ у Спаса, а самъ онъ бѣжалъ на звонъ и встрѣтилъ кормового стряпчаго Субботу, который велѣлъ ему именемъ Царицы, при братѣ ея Григорьѣ Нагомъ, бить въ набатъ; но Григорій отъ того отрекся, и показалъ даже на пономаря, что когда бѣжалъ къ нему въ колокольню Михайло Битяговскій, онъ заперся и его не пустилъ къ себѣ. А стряпчій Суббота не отпираясь отъ словъ своихъ, ссылался на приказаніе Михайла Нагаго и говорилъ, что онъ велѣлъ убить Битяговскаго, повелику у нихъ и прежде была межь собою брань, зато что Нагой прашивалъ денегъ изъ казны сверхъ Государева указа и тотъ ему въ нихъ отказалъ; прочіе же убиты чернію невѣдомо за что; о смерти Царевичевой пономарь отозвался, что самъ накололся въ падучей; хотя пономарю, не

бывшему очевидцемъ происшествія, свойственнѣе было отозваться незнаніемъ, еслибы словами его не управляла догадка; какого свидѣтельства отъ него могли желать?

Въ свою очередь предстали Князю Шуйскому почетнѣйшіе изъ духовенства Угличскаго, Архимандритъ Воскресенскій Ѳеодоритъ, Игуменъ Алексѣевскій Савватій, Игуменъ Покровскій Давидъ, духовникъ Григорія Нагаго Цареконстантиновскій священникъ, и сказали, Архимандритъ: что 15 Мая служилъ онъ обѣдню съ Алексѣевскимъ Игуменомъ, у него въ монастырѣ, какъ вдругъ зазвонили въ шестомъ часу дня, и они послали провѣдать, не горитъ ли гдѣ? но слуги, возвратясь, имъ повѣстили слышанное отъ посадскихъ людей, будто Царевича Димитрія убили невѣдомо кто: оба они поѣхали въ городъ и нашли уже Царевичево тѣло въ соборѣ, а Битяговскаго и прочихъ побитыми. При нихъ еще привели къ церкви, предъ Царицу, сына мамки Волохова, чуть живаго и тутъ же убили; привели и жену Битяговскаго съ двумя дочерьми и хотѣли также убить, но онъ Архимандритъ съ Игумномъ ухвативъ ихъ, отняли у народа; а мамку Волохову взяли тогда посадскіе люди подъ стражу въ палаты.

Игуменъ Алексѣевскій подтверждая слова Архимандрита, съ своей стороны дополнилъ, что отъ имени Царицы прибѣжалъ къ нимъ Спасскій причетникъ съ вѣстію, что Царевича не стало, и

велѣлъ ѣхать въ городъ, и они, пріѣхавъ, нашли его зарѣзаннаго въ соборѣ; Царица же имъ сказывала, что зарѣзали его сынъ и племянникъ Битяговскаго и сынъ мамки; убійцы уже были побиты, кромѣ Волохова, который стоялъ въ соборѣ за столбомъ, и послѣ ихъ выхода невѣдомо кѣмъ убитъ.

Игуменъ Покровскій повторилъ слышанное имъ о смерти Димитріевой отъ дворовыхъ людей, когда самъ пріѣхалъ изъ загороднаго монастыря своего, что Царевичь накололся на ножъ въ падучей болѣзни; а духовникъ Нагаго, обѣдавшій въ тотъ день у Битяговскаго, разсказалъ подробности о убійствѣ сего послѣдняго, какъ началъ онъ уговаривать людей посадскихъ, сбѣжавшихся на звонъ съ рогатинами, ножами и саблями, и какъ погнался народъ за нимъ въ избу, и извлекши, умертвилъ съ Третьяковымъ. — О сынѣ же Битяговскаго, Данилѣ, обвиняемомъ въ смерти Царевича, объявилъ, что въ тѣ поры съ нимъ обѣдалъ у отца на подворьѣ.

Наконецъ спросили и всѣхъ дворовыхъ людей Царицы и посадскихъ; всѣ они, числомъ до 75 человѣкъ (между ними губной староста города Углича, сытники кормоваго и хлѣбеннаго двора, стряпчіе, подьячіе, ключники, истопники, дѣти Боярскіе, хлѣбники, повара, конюхи, сторожа), и еще 40 человѣкъ посадскихъ и посошныхъ людей, отозвались или невѣдѣніемъ или показали почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ то, что слышали

отъ жильцевъ о смерти Царевича: будто въ падучей болѣзни самъ накололся на ножъ, такъ же и о убійствѣ Битяговскаго и другихъ Михайла Нагаго. Не отрекались отъ сего даже и нѣкоторые изъ убійцъ, а одинъ изъ нихъ конюхъ дворцовый показалъ, что прибѣжавши съ отцемъ своимъ на звонъ набата, увидѣлъ много людей посадскихъ и казаковъ судныхъ, которые ломились въ разрядную избу; тамъ, сказали имъ, сидятъ душегубцы Царевича, сынъ и племянникъ Битяговскаго, и они, извлекши ихъ, убили, а потомъ уже самаго дьяка въ брусяной избѣ и разграбили дворъ его, лошадей отвели на конюшню Царицы; самъ же онъ взялъ себѣ коня и сайдакъ. Отецъ его, конюшенный прикащикъ, подтвердивъ слова сына, объяснилъ, что на этихъ лошадяхъ посылалъ Михаилъ Нагой провѣдывать не ѣдетъ ли кто по Московской дорогѣ; чтобы тотчасъ дать знать въ городъ, но потомъ опять лошадей отвели на дворъ Битяговскаго.

Въ тоже время сторожъ дьячей избы съ однимъ посадскимъ показали, что въ день пріѣзда Князя Шуйскаго, самъ городовой прикащикъ Русинъ, вмѣстѣ съ человѣкомъ Нагаго, приказывалъ имъ мазать кровью палицу, два самопала и пять ножей, и класть ихъ на убитыхъ.—А семь человѣкъ разсыльщиковъ Угличскихъ подали на другой день пріѣзда челобитную Князю Шуйскому, въ которой прося, чтобъ ихъ не смѣшивали съ виновными, описывали всѣ событія сходно съ

прежними показаніями и даже утверждали, что Михайло Нагой, братъ Царицы, прискакалъ на конѣ пьяный на дворъ по звону набата, и что Битяговскій кричалъ народу: Нагой велитъ меня убить за то, что самъ добываетъ вѣдуновъ на Государя и Государыню и хочетъ ихъ портить; убили же его въ дьячей избѣ (а не брусяной).

Вдова Битяговскаго съ дочерьми также прислала челобитную на имя Государя, жаловалась, что Нагіе велѣли убить ея мужа и сына, ибо часто ссорились съ Михайломъ Нагимъ, который добывалъ вѣдуновъ и вѣдуньевъ къ Царевичу, и одинъ вѣдунъ Андрей Мочаловъ непрестанно жилъ у Нагихъ; они заставляли ворожить его, долговѣченъ ли Государь и Царица; и въ самый день смерти еще бранился мужъ ея за то, что Нагой не отпустилъ посохи на нарядъ Государевъ. Потомъ разсказывала въ своей жалобѣ смерть Царевича и мятежъ, и просила удовлетворенія.

Такъ окончился розыскъ о смерти Царевича Димитрія. Митрополитъ Геласій Сарскій и Подонскій, съ великою честію предалъ земли его непорочное тѣло, внутри Угличскаго собора Преображенія Господня, и возвратился съ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ Москву; а 2 Іюня благовѣрный Государь уже слушалъ самъ въ своихъ Кремлевскихъ палатахъ обыскъ Угличскій, утвержденный рукоприкладствомъ почти всѣхъ допрашиванныхъ, кромѣ одного Михайла

Нагаго и Царицы матери Димитрія, которую не спрашивали, вѣроятно, изъ уваженія къ ея сану, или подъ предлогомъ сего уваженія.

Выслушавъ дѣло, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ своимъ Боярамъ идти на соборъ къ Іову Патріарху всея Руси, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, и велѣлъ прочесть предъ ними весь обыскъ дьяку Василью Щелкалову. Когда же прочли его на соборѣ, всталъ Митрополитъ Сарскій Геласій и сказалъ:

« Извѣщаю тебѣ Святѣйшему Патріарху и всему освященному собору, что въ день моего отѣзда изъ Углича, Царица Марія призвавъ меня къ себѣ, говорила: то дѣло учинилось грѣшное виноватое, что убили Михайла Битяговскаго, и сына его и жильцевъ; и много молила меня донести ея челобитье Государю Царю, дабы показалъ милость въ ихъ винѣ бѣднымъ червямъ Михаилу Нагому съ боярами. »

Не извѣстно, какъ поняты были слова Царицы: но они могли имѣть то простое значеніе, что она признавала грѣховность самоуправнаго убіенія Битяговскаго и Волохова, а съ ними нѣкоторыхъ, вѣроятно, и невинныхъ. Митрополитъ подалъ также на соборъ челобитную городоваго прикащика Русина, въ коей, описывая происшествіе, обвинялъ во всемъ Михайла Нагаго, будто мертво-пьянаго въ часъ набата, который враждовалъ съ Битяговскимъ за Государево дѣло, и его Русина принуждалъ къ крестному цѣлованію, чтобы за одно

съ нимъ стоять; самъ же признавался, что по волѣ Нагаго мазалъ кровью палицу и ножи, и клалъ на убитыхъ.

Патріархъ, выслушавъ со всѣмъ соборомъ Углицкое дѣло и рѣчи Митрополита, говорилъ: «въ томъ во всемъ воля Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи, а прежде сего такого лихаго дѣла и такихъ убійствъ и кровопролитія отъ Михайла Нагаго и отъ мужиковъ никогда не бывало. Измѣна Нагихъ и посадскихъ людей предъ Государемъ явная, потому что смерть Царевичу Димитрію учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой Государевыхъ приказныхъ людей Дьяка Битяговскаго и Никиту Качалова, и другихъ дворянъ и жильцевъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду и разговаривали съ народомъ, для чего творитъ измѣну, велѣлъ убить напрасно и съ умысломъ, за то, что съ нимъ часто бранился Битяговскій ради Государя, ибо Михайла Нагой держалъ у себя вѣдуна Мочалова и другихъ многихъ вѣдуновъ. И за то великое измѣнническое дѣло Михайло Нагой съ братіею и мужики Угличане по своимъ винамъ дошли до всякаго наказанія. Но дѣло земское и градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ да Государь; все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ Государю какъ Богъ извѣститъ, а намъ лишь молить Господа Бога и его Пречистую Матерь и великихъ Россійскихъ чудотворцевъ Петра,

Алексія и Іону и всѣхъ Святыхъ, о Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ, и его благовѣрной супругѣ Иринѣ, о ихъ многолѣтномъ здравіи и тишинѣ отъ междуусобной брани.»

Въ тотъ же день Бояре сказывали Патріаршія рѣчи и Митрополитовы Государю, и онъ имъ велѣлъ Углицкое дѣло вершить по договору и послать по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявилися. По Государеву указу и боярскому приговору посланы приказные люди въ Угличь за кормилицею Царевича Ириною и за ея мужемъ и за вѣдуномъ Мочаловымъ. Первыхъ двухъ велѣно привести въ Москву къ Государю безъ всякаго насилія, однако же бережно, чтобы дорогою не утекли или чего надъ собою не учинили; втораго же въ оковахъ, и объ Углицкихъ дѣлахъ извѣстить немедленно, если что новое случится. Вслѣдъ за тѣмъ привезли въ Москву Нагихъ, и Царь положилъ на нихъ свою опалу. Самъ Годуновъ съ Боярами ходилъ на ихъ пытку еще допрашивать о смерти Димитрія, но Михайла Нагой и на пыткѣ не вымолвилъ, чтобы Царевичь самъ закололся, а только повторялъ, что убіенъ отъ рабовъ своихъ. Тогда разослали всѣхъ братьевъ Нагихъ по разнымъ городамъ въ темницы, Царицу же Марію постригли неволею въ иноческій образъ, нарекли ей имя Марѳа, и заточили въ мѣсто бѣдное и пустое, въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, въ Чудинѣ монастырѣ Св. Николая, что на озерѣ Пустоозерскѣ близь

Череповца; тамъ къ ней приставлена стража и дали только двухъ служителей.

Пострадалъ и великій градъ Угличь за беззаконное дѣло, которое въ немъ совершилось, и на него простерлась опала царская и боярская. Тѣла двѣнадцати убитыхъ ради Царевича вынуты изъ позорной ямы и преданы землѣ съ честію; около двухсотъ людей посадскихъ отвѣтили головою за ихъ буйную ревность къ закланному Царевичу. Многихъ заточили въ темницы, многихъ отвезли въ Сибирь; тамъ поставили въ ледовитой пустынѣ и населили ими новый городъ Пелымь, а именитый Угличь, славившійся своими двѣнадцатью обителями, тремя соборами, полутороста церквами и тридцатью тысячами жителей, съ тѣхъ поръ опустѣлъ. Даже набатный колоколъ Спасскаго собора, бывшій виною мятежа, сосланъ вмѣстѣ съ подвигшимися на звонъ его и виситъ въ Тобольскѣ у Всемилостиваго Спаса.

Казалось все заглушено, или все замерло; но гласъ Божій гласъ народа,—возникла молва народная о усопшемъ Царевичѣ, и глухой ропотъ, тщетно подавляемый, все возсталъ, доколѣ судомъ Божіимъ не выросъ въ одного страшнаго человѣка. Не смотря на приговоръ боярскій и указъ Царевъ, никто не вѣрилъ розыску Углицкому Князя Шуйскаго, хотя и укрѣпленному рукоприкладствомъ столькихъ свидѣтелей мірскихъ и духовныхъ. Вѣрилъ ли ему и самъ

Князь Шуйскій, когда при другихъ обстоятельствахъ, уже пятнадцать лѣтъ спустя, увѣнчанный самъ наслѣдственнымъ венцемъ Димитрія, писалъ въ окружныхъ своихъ грамотахъ народу «что за грѣхи всего Христіанства православнаго, Великаго Государя Царевича Димитрія Іоанновича не стало, послѣ убійства Бориса Годунова, убитъ же онъ какъ непорочный агнецъ въ Угличѣ.» Многіе скорбѣли о неповинной крови и безъ страха говорили между собою, что розыскъ о смерти блаженнаго отрока произведенъ неправо, и что мимо единодушнаго воиля народа Угличскаго, распрашивали свидѣтели втайнѣ и съ угрозой. А безыменные лѣтописцы въ тишинѣ келейной записывали сказанія народныя въ свои хартіи и сохранили обличеніе сему тайному дѣлу.

«Искони ненавидящій добра въ родѣ человѣческомъ діаволъ, видя сирыхъ братьевъ Царя Ѳеодора и Царевича Димитрія, ни о чемъ земномъ не радѣющихъ, ибо ни славы міра сего, ни богатства не желали, и не въ силахъ будучи ни въ чемъ ихъ искусить, вложилъ въ сердца обладающихъ вельможъ нетокмо другъ надъ другомъ чести желать для похищенія отеческаго достоянія, но единому изъ нихъ внушилъ помыслъ восхитить самодержавство и быть старѣйшимъ въ Россійскомъ государствѣ. Былъ между обладающими Боярин Борисъ Годуновъ, ненавидѣвшій братію свою бояръ, и бояре его не любили, ибо многихъ людей погубилъ напрасно. Сему

вложилъ въ мысль діаволъ извести праведнаго своего Государя Царевича Димитрія, да будетъ властелиномъ на Руси, когда истребится корень царскій. Такъ и окаянный Святополкъ умышлялъ на братьевъ своихъ Бориса и Глѣба: «если побію братію свою, единъ буду владыка на Руси,» не вѣдая того, что Богъ власть кому хочетъ, тому даетъ. Сперва послалъ Борисъ на Угличь окормить праведнаго зѣліемъ, и ему давали зеліе иногда въ пищѣ, иногда въ питіи; Богъ же, хранящій праведника, не хотѣлъ его чистую душу принять втайнѣ, но объявить всему міру кровь неповинную. Борисъ же услышавъ, что ничто ему не вредитъ, оскорбился и призвавъ братію свою Годуновыхъ и совѣтниковъ Андрея Клешнина съ товарищами, повѣдалъ что ничто не вредитъ Димитрію. Одинъ изъ нихъ Григорій Васильевичъ Годуновъ не присталъ къ ихъ совѣту и плакался о томъ горько и они его чуждались. А совѣтники Борисовы умыслили послать кого либо убить праведнаго и избрали Владиміра Загряжскаго и Никиту Чепчугова; они же люди богобоязливые не только что учинить надъ своимъ Государемъ, но и помыслить того не хотѣли.

Опять прискорбенъ былъ Борисъ, что ни какъ хотѣніе его не совершается, но злой совѣтникъ Андрей Клешнинъ говорилъ: не скорби; есть у меня братья и други, исполнится твое желаніе; а Загряжскому и Чепчугову учинили многія бѣды

и злыя напасти. Но и братія и други Клешнина отъ такого окаянства уклонились; тогда взошелъ діаволъ въ одного изъ нихъ, Михайла Битяговскаго именемъ, какъ сатана въ Іуду Искаріотскаго, и подобно ему пришелъ онъ возвѣстить, что готовъ исполнить беззаконіе. Обрадовался Борисъ и обѣщавъ ему великую честь, отпустилъ въ Угличь, съ сыномъ его Данилою и племянникомъ Никитой Качаловымъ, и велѣлъ имъ вѣдать все на Угличѣ. Они же пришли какъ волки, алчущіе праведнаго агнца и стали всѣмъ владѣть.

Царица Марія Ѳеодоровна, видя ихъ злобный умыселъ, начала беречь отрока, никуда его отъ себя не пуская; но они совѣтывались съ мамкою его Маріею Волоховою и сыномъ ея Осипомъ, какъ бы имъ убить праведнаго. Мая въ 15 день, мать Царевичева была въ своихъ хоромахъ: окаянная же мамка уговорила его съ лестію идти гулять съ нею на дворъ, и едва не сама повлекла его на заколеніе, ибо воздоившая его кормилица не хотѣла пускать его и вслѣдъ за нимъ шла на нижнее крыльцо, а убійцы какъ звѣри, исполненные яростію, устремились на крыльцо. Окаянный сынъ мамки Волоховъ, взявъ за руку праведнаго, сказалъ ему: «сіе у тебя новое ожерельецо, Государь;» онъ же, кроткій агнецъ, протянувъ къ нему выю, тихимъ голосомъ отвѣчалъ: «сіе есть старое ожерелье,» и Волоховъ кольнулъ его ножемъ по шеѣ, какъ змѣя жаломъ, но не ухватилъ гортани. Кормилица видя пагубу

своего Государя, пала на него и начала кричать; и бросивъ ножъ побѣжалъ убійца, но союзники его Данило Битяговскій и Никита Качаловъ били кормилицу, едва не до смерти и отнявъ изъ рукъ ея праведнаго отрока, дорѣзали и утекли. Чудно и ужасно было видѣть, какъ долго трепеталось мертвенное тѣло, подобно закланному голубю, и мать его видя гибель сына, громко надъ нимъ вопіяла. Люди же, слышавъ о томъ въ градѣ и въ посадѣ, скакали всюду и ударяя во врата взывали: что сидите? Царя у васъ нѣтъ; и каждый выбѣгая за врата дома своего ничего не видѣлъ, ибо то время было полудепное и никого на дворѣ Государевомъ не было; братья Царицы сидѣли по своимъ подворьямъ. Но одинъ пономарь видя такую пагубу, заперся на колокольнѣ, началъ бить въ колоколъ, и никто не могъ приступить къ нему, хотя сильно ломились въ двери. Люди же Царевича и дядья его и люди города Углича сбѣжались всѣ на дворъ царскій и видя Государя своего лежащаго мертвымъ, при тѣлѣ же праведномъ мать и кормилицу замертво лежащихъ,—возопили гласомъ великимъ и тутъ же умертвили Михаила Битяговскаго съ его единомышленниками. А сынъ его и племянникъ бѣжали изъ города, и отбѣжавъ двѣнадцать верстъ, возвратились, ибо кровь праведная вопіяла на нихъ къ Богу;—граждане ихъ побили, всего 12 человѣкъ, и повергли въ яму на съѣденіе псамъ; тѣло праведное положивъ въ гробъ снесли

въ соборную церковь; къ Царю же Ѳеодору послали гонца, что убіенъ братъ его отъ рабовъ, но гонца привели въ Москвѣ къ Борису, и онъ повелѣлъ переписать грамоты, что Царевичъ одержимъ будучи недугомъ, зарѣзалъ себя отъ небрежепія Нагихъ, — и такія грамоты донесъ Царю.»

Такъ думали и писали одни, другіе же распространяясь еще болѣе о совѣтѣ Бориса для убіенія Царевича, и какъ бы желая проникнуть въ самую тайну его внутреннихъ помышленій,— изложили въ хартіяхъ «будто Бояринъ призвавъ къ себѣ волхвовъ, вопрошалъ ихъ: возможно ли вамъ сіе дѣло усмотрѣть, могу ли я свое желаніе получить, буду ли я Царемъ?»(*) Врагоугодники же ему сказали: «истинно тебѣ возвѣщаемъ, что получишь желаніе свое, будешь на царствѣ Московскомъ, только на насъ не прогнѣвайся.» Онъ же имъ говорилъ: «о любимые мои гадатели, отнюдь меня не убойтесь, ничего отъ меня не получите, кромѣ чести и даровъ, только скажите правду,» и они отвѣтствовали: «не долго твое царствованіе будетъ; только седмь лѣтъ.» И Борисъ съ радости великой лобызавъ ихъ, воскликнулъ: «хотя бы седмь дней, только бы имя царское получить и желаніе свое совершить.»

И многія иныя безыменныя лѣтописи тѣхъ временъ, писанныя по смерти Бориса, сохранили

(*) Мороз. лѣт. 75 Кар. (221 пр.) стр. 74 Т. X.

тоже страшное на него обличеніе: нѣтъ ни единаго сказанія Русскаго его оправдывающаго, хотя есть разность въ показаніяхъ, ибо въ иныхъ болѣе, въ иныхъ менѣе противъ него ожесточенія, судя потому, какъ достигала до каждаго молва народная, не утихавшая въ теченіе долгихъ лѣтъ,—даже самые иноземцы, жившіе въ то время на Руси, въ писаніяхъ своихъ оставили то же пятно на памяти Бориса, хотя они и разнорѣчатъ между собою: одинъ, бывшій долго на Москвѣ пасторомъ, Беръ, говоритъ, что Царевичь зарѣзанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обычно игралъ. Петрей, уроженецъ Шведскій, что его убили ночью, когда сошелъ съ крыльца смотрѣть пожаръ, а купецъ Пафле и воинъ дружины Лжедмитріевой Маржеретъ,—что истинный Царевичь спасся и умерщвленъ подложный, котораго зарѣзали въ постели.

И посреди сихъ темныхъ преданій, не укрѣпленныхъ ни однимъ именемъ Русскимъ, кромѣ иноземныхъ, являются два великіе свидѣтеля, величайшіе дѣльцы тѣхъ временъ и событій, коихъ они сдѣлали лѣтописцами: самъ Патріархъ Іовъ и знаменитый келарь Троицкой Лавры Аврамій Палицынъ, оба, равно обличающіе Бориса; но одинъ своимъ безмолвіемъ, другой же горькою рѣчью; ибо Патріархъ Іовъ, писавшій житіе благовѣрнаго Царя Ѳеодора уже въ царствованіе Годунова, боялся даже упомянуть о имени Димитрія, и бѣдственная смерть сего Царевича не

помѣщена въ числѣ замѣчательныхъ событій державы братней. Какой безмолвный упрекъ! А Аврамій явно говорилъ, «что навѣты ласкателей и лжесвидѣтелей на Димитрія отъ многія смуты низвели ко грѣху Бориса, и что сего краснѣйшаго юноши отослали и нехотящаго въ вѣчный покой.»

Сіе же все отъ человѣковъ, иногда увлекаемыхъ молвою житейскою, преданія коихъ какъ облака, носимыя вѣтромъ. Но Господь, зрящій не на лица, а на помыслы, прежде даже, нежели созрѣютъ они въ дѣянія, произнесъ устами Пророка Ісаіи: « Мнѣ отмщеніе, азъ Господь! » и устами инаго Пророка, « что грѣхъ отцевъ взыщетъ на сынѣхъ до третьяго и четвертаго рода; милость же его на тысяща родовъ. » — Онъ посѣтилъ дивными судьбами своими всѣхъ прикосновенныхъ къ смерти Димитріевой.—Однимъ именемъ ложно воскресшаго отрока, какъ бы духомъ устъ его пораженъ самъ Борисъ на престолѣ и все его семейство: сынъ его, для коего жаждалъ вѣнца, краснѣйшій юноша, подобно Димитрію и не хотящій отсылается въ вѣчный покой; удавлена супруга благочестивая, дочь того нечестиваго опричника Малюты Скуратова, который дерзнулъ при Іоаннѣ Грозномъ поднять руку на святѣйшаго Филиппа и удушить въ келліи священномученика. — Какая кровь взыскана на родѣ Борисовомъ?—кровь Св. Филиппа, въ третьемъ родѣ по женскому колѣну, или кровь

по достоянію, но вдвое и втрое противъ утраченнаго выдавалъ изъ казны царской на домовое строеніе погорѣвшимъ; боярамъ и инымъ сущимъ отъ царской палаты, по ихъ желанію роздано безчисленно денегъ, а купечеству и черни грамоты льготныя и бѣлыя. Такимъ образомъ всенародное множество въ Москвѣ и другихъ градахъ приведено въ кротость, и вмѣсто сѣтованій на Боярина, великія хвалы ему возсылались, ибо такіе пожары были не въ одной Москвѣ, но и во многихъ городахъ и посадахъ. — Бояре и весь чинъ воинствующихъ не брегли о томъ, что будетъ воздаяніе столь великому грѣху, и не могли дѣйствовать; у всѣхъ отнялъ власть Борисъ, и никто не только говорить, но и помыслить противъ него не смѣлъ; наипаче ослѣпилъ онъ очи разумныхъ имѣніемъ многимъ и трапезами сладкопитательными, а поборающихъ по правдѣ отсылалъ въ предѣлы дальнія;—такъ престалъ всякій помыслъ о мщеніи Борису.

2007050380